

Знаки запинания

колесо обозрения

с1

Все это было очень темного, почти черного, а может, даже и совсем черного цвета, в том числе и очки. Александр Тихонов не был здесь тренером, но на звание авторитета, по крайней мере морального, претендовал. К нему подходили тренеры и жаловались на погоду, на снег, на дождь, да на все... Он величественно кивал, а на вопрос, будет ли все хорошо сегодня, неторопливо ответил: «Бог даст» — так, словно он-то этим богом и был.

Подождал к нему и я и спросил, сталкивался ли он, когда сам выступал за сборную, с чем-то подобным.

— С такой погодой? — переспросил он и повернулся к мишеням, пытаясь разглядеть их взором.

Тут мишени, можно сказать, очень кстати опять заволочило облаками, то есть он сразу вспомнил.

— Да, конечно, — кивнул он. — Бегу на эстафете последний этап, подбегаю к последнему рубежу, вообще ничего не вижу. Тогда сразу же восемь выстрелов — в землю, чтобы не трогать время, и дальше побежал.

— То есть все равно надо было отстрелять эти патроны? — переспросил я.

— По правилам, конечно, надо, — подтвердил он. — И все равно бронзу привез все-таки команде.

Он поправил свою шляпу, которая была вся в ледяных сосульках, и опять посмотрел на мишени. Что-то бесовское в этом было: они снова оказались как на ладони.

Таким образом, через нас и в самом деле стремительно мчалась облака. Остановить их не представлялось возможным.

— Ну, так-то мишени видно, глазами, — сказал господин Тихонов, — а вот через прицел можно и не разглядеть. Там дырочка-то ма-а-аленькая. Да, отложить могут опять. Спокойно отложат.

— Ну, в такой-то шубе можно и подождать тут, под снегом, — улыбочко сказал ему один из тренеров, словно пытаясь понравиться.

— А вот в такой шляпе долго не простоит, — не удержался я.

— А что шляпа? — удивился Александр Тихонов. — Она еще теплее, чем у них у всех.

Он показал на прицеливающихся спортсменов.

— Сукно же теплое, — боролся он за свою шляпу.

— А уши? — спросил я.

— Хорошим ушам никакой мороз не помешает, — наставительно сказал Александр Тихонов. — А плохим не жалко.

Я, правда, так и не понял, какими ушами он считает свои.

А гонку-то уже и в самом деле опять отложили, на этот раз на пятнадцать минут пока.

Через пять минут я был в небольшом офисе самого закрытого на этой Олимпиаде главы спортивной федерации. Это был офис Михаила Прохорова, президента Союза биатлонистов России.

Господин Прохоров сказал, что не выходит на тренерский мостик, где в это вре-

мя президентов национальных федераций столпилось, по-моему, больше, чем спортсменов на старте.

— Могут отменить? — спросил я его.
— 50 на 50. Сейчас заходил президент Международной федерации биатлона и сказал именно это: 50 на 50. Они же следят не только за тем, какая погода на стадионе, но и за тем, какая идет на стадион.

В кабинете было еще несколько человек: Сергей Куценко и другие официальные и неофициальные лица. Офис нависал прямо над финишем. Сквозь окна в пол в этот момент просматривались даже черные кружки мишеней.

Здесь сейчас обсуждали очередной, вчерашний золотой финиш Дарьи Домрачевой. Я раньше, в свою очередь, слышал, что Союз биатлонистов России хотел сделать россиянками и ее, и Анастасию Кузьмину. При чем Кузьмина уже почти согласилась, переговоры были, можно сказать, в завершающей стадии, но тут она некстати выиграла чемпионат мира, который проходил в Сочи накануне Олимпиады, и передумала.

А Дарью Домрачеву категорически не отпустил Олимпийский комитет Беларуси, который по правилам должен дать согласие: Дарья Домрачева была дорога ему не только как память, а как главная и единственная олимпийская надежда. Она не подвела Белоусию (но подвела Россию).

— Похоже, сейчас все-таки стартанут, — сказал Сергей Куценко.

— Что-то вы слишком спокойны, — сказал я Михаилу Прохорову. — Для такой гонки.

До этого я видел, как пристреливались Антон Шипулин и Евгений Устюгов. Они, например, не выглядели спокойными. Евгений Устюгов два раза подходил к стрельбищу и каждый раз оставался, кажется, недо-вольным: похоже, что прежде всего самим собой.

— Да, спокойный, — согласился господин Прохоров. — Потому что я больше, чем сделал, сделать уже не могу. Сам я бежать за них не могу.

— Но если все пойдет так, как шло до сих пор, то придется, — предположил я.

— Придется сделать что-то другое, — предположил и Михаил Прохоров.

— Так! Есть! — воскликнул Сергей Куценко. — Гаран (Евгений Гараничев. — А.К.) идет по внутренней... Четвертый... А, Гаран уже второй!..

— А Шипа (Антон Шипулин. — А.К.)? — спросил Михаил Прохоров. — Не вижу его...

— Все, стратегия понятна у них (на тот момент еще соперников наших — Фуркада и Свеннсена. — А.К.). Все экономить, отстрелять — и делать последний круг!

— Устюгов упал! — крикнул кто-то в комнате.

— Да что же это! — повернулся господин Прохоров к телевизору, на котором это было слишком хорошо видно, а лучше бы и не видеть. — Дыхание сбилось...

— Частота наших падений поражает, — прокомментировал еще кто-то.

— Так, стреляют... — прильнул к окну Куценко.

Стрелять сквозь снег было непросто, но норвежец Эмиль Хегле Свенсен (второй справа) каким-то образом настроил себе на золотую медаль
ФОТО ДМИТРИЯ КОРОТАЕВА

Было такое впечатление, что облака разногнали. Светило солнце прожектором.

— Шипа — ноль (промахов. — А.К.), уходит первым!

— Устюгов вместе с Малышко идут в группе, — вскрикнула рация. — Твою мать!..

— Я думаю, тебе тяжело будет по этой кашке бежать, — шептал Прохоров, обращаясь к уже лидирующему норвежцу Эмилю Свенсену. — Ты же такой большой, ты вынужд будешь...

На себя бы посмотрел.

— Симон сошел, — констатировал Куценко.

— Лучше бы Мартен (француз Фуркад. — А.К.) сошел.

— Да он и так в конце, — засмеялся Прохоров.

— Шипулин устал, — предупреждали тренеры друг друга по рации. — Пусть отдохнет...

Очередной огневой рубеж. Малышко — ноль, Устюгов — ноль. А Шипулин и Гараничев, на которых все еще была надежда, промахивались.

— Да все еще впереди... — повторял Прохоров. — Свенсен уже не тот!.. Не тот Свенсен!.. Плечами уже раскачивает!.. То же устал!

Не выдержал и выбежал куда-то из комнаты Сергей Куценко.

— Ой-ой-ой! Пошел туман... — господин Прохоров посмотрел за окно.

Там все было уже примерно ясно. Опять промахи, наших давно не было среди лидеров.

Но среди лидеров уже был Мартен Фуркад. Он, в очередной раз отстрелявшись на ноль, догнал Свеннсена.

— Ну что же вы, ребята... — вздохнул Михаил Прохоров.

— Все, можно не париться, — произнес еще кто-то.

— Ну нельзя же мазать больше одного!.. — говорил Прохоров.

Вернулся Сергей Куценко. Тяжело было смотреть на него.

— Опять Фуркад, что ли, выиграет? — безразлично спросил он, по-моему, самого себя.

— На ноль отстреляет последний раз — выиграет, — добавил Прохоров. — Ничего, мы бьемся за медаль.

Кажется, за медаль здесь бился уже только он один.

— Нужно, чтоб все мазнули, а наши все попали, — сформулировал наконец Михаил Прохоров национальную идею.

— О, Свенсен пошел!.. — крикнул Куценко. — Все, пошел!

— А Гаран — молодец, — вдруг обрадовался Михаил Прохоров. — Хорошо идет... Ох, Фуркад и Свенсен финишировать начинают...

Известно, что было потом. Выброшенная на финишную черту нога Фуркада. Вскинутые руки Свенссена. Фотофиниш. Победа норвежца.

Собирались из офиса президента Союза биатлонистов России молча и быстро. Я спросил Михаила Прохорова, поедет ли он на хоккей Россия—Норвегия. Еще можно было успеть.

— Нет, — сказал он. — Я тут никуда больше не езжу. Тихо живу. Ничего не прокомментирую никому.

То есть, хотелось добавить мне, не как обычно.

— Помогаю, когда проблемы становятся уже неразрешимыми, — добавил он.

Кажется, сейчас они уже именно такие.

— У нас еще эстафеты, — предупредил господин Прохоров. — Мы еще не все сказали.

Он сказал это и уехал. А я еще застал на финише Антона Шипулина. Он сдавал лыжи.

— Снег очень тяжелый, — пожал он плечами.

— Так это для всех так.

— Да, но маленьким-то было легче. А мы большие.

Я уж не стал говорить ему про то, какой большой Свенсен.

— Я видел, что вы больше, чем все, пристреливались...

— Если бы от этого все зависело, — вздохнул Антон Шипулин.

— А все это по большому счету от чего-то зависит, кроме каких-то великих случайностей? Когда силы всех примерно равны?

— Да Бог уже, по-моему, все распределил, — констатировал Антон Шипулин.

Увидел я тут, на финише, и Евгения Устюгова. Немецкий тренер, проходя мимо, оживился и сказал на неважном, но все-таки на русском языке:

— Первый этап — бум-бум!

И он пальцами показал, как Устюгов упал.

— Снег, — виновато сказал ему Устюгов. — В каком смысле? — спросил я.

— О снег запнулся, — пояснил он.

Андрей Колесников

Гагры-2014

Как смотрят Игры в Абхазии

вне игры

АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРГ

Наш специальный резидент **АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРГ** покинул свой сочинский пост ради путешествия в мандариновый рай.

Ну, вот я наконец-то и за границей. Вот он еще один, прощальный взгляд назад на пылающий в 6 км олимпийский факел, и здравствуй, пограничный пункт Республики Абхазия!

— Шаг назад! Цель вашей поездки? — интересуется на той стороне пограничника со вполне олимпийской, но совсем не абхазской фамилией Кирдякина.

— Туризм, — отвечаю.
— Вы раньше Абхазию посещали?

— В 1986 году.

— Значит, не посещали, — видимо, считается, что теперь Абхазия — это другая Абхазия, не та, что в 1986-м. А по мне, так ничего толком не изменилось.

Ранним утром вместе со мной границу пересекает еще несколько групп с явными отличительными олимпийскими признаками в одежде. По большей части это мои коллеги и сотрудники разного рода сервисных олимпийских служб, которым в редкий выходной не терпится нарвать душистой мимозы, купить бесplatных мандаринов и глотнуть чистого горного воздуха в сочетании с чашечкой на фейхоа. Ну подустали люди уже от этой Олимпиады! У меня она пятая, и я знаю, что вот это время, когда экватор уже перейден, а до церемонии закрытия еще жить и жить, самое трудное.

Яркие куртки Bosco после пересечения границы (кстати, зря так пугали — весьма нетрудное мероприятие, даже для граждан ЕС, как выяснилось) моментально растворяются в серости одинаковых кожанок местных таксистов. Их много, они и встречают гостей, с другим общественным транспортом у границы туго. Кроме таксистов встречает еще магазин с вывеской «Воды Абхазия». И ты сразу понимаешь, что ты в стране, первой в мире по количеству пресной воды на душу населения.

Гагра всего в 36 км от олимпийской столицы. То есть едешь по берегу от Олимпийского парка, пересека-

ешь сначала границу, потом самую короткую в мире (18 м) реку Репруа и уже вкатываешь в Гагру, устроенную по старосочинским курортным лекалам. Тощий город длинно вытянут вдоль берега. Вплоть берега город не ширится: не дают горы. Вместо Курортного проспекта с его пробками здесь проспект В. Г. Ардзинбы, по которому мы долго неслись вообще без светофоров.

— Витя, ты зачем такой плохой поступок делаешь, что перед гостями неудобно? — обращается к нашему шоферу мой местный гид Ираклий, когда тот не замечает красный свет единственного на нашем пути светофора.

— Он меня раздражает — я его игнорирую! — размахивает водитель обеими руками, отпускает руль.

Тут сохранилось своеобразное отношение к правилам движения: люди легко и неспешно на глазах у полиции разворачиваются через две сплошные.

Отношение к Олимпиаде мне поначалу тоже показалось своеобразным.

— Нет, Олимпиаду мы не смотрим, — легкомысленно сказали рабочие, пристраивавшие кафе «У Зинь» к городскому стадиону имени Давура Ахвледиани. — Мы даже чемпионат России по футболу не смотрим! Мы за премьер-лигу переживаем — за «Манчестер»!

— То есть абхазы Играм в Сочи не интересуются?

— Мы не знаем. Мы таджики.

В городе много недостроя и мертвый сезон. Пустынные улицы. Самая свежая из замеченных мною афиш датирована 15 сентября, когда «единственным и долгожданным» концертом пожаловал Эльбрус Джаммиров — «исполнитель хитов „Чародейка“ и „Глаза карие, карие“». Позитив дарит только дядя Коля, развесивший на каждом столбе объявление: «Рыбалка с дядей Колей в открытом море. Улов и удовольствие гарантированы».

Абхазы оказались в другом кафе — «Мокко» — вместе с традиционным абхазским ассортиментом. Пиво «Сухумское» бутылочное классическое не впечатляет. Как можно делать такое пиво, имея под боком чистейшую горную воду со 170 минеральными источниками? Но Олимпиада здесь присутствует: официантка читает газету за одним из столиков, приспособленным под гладильную доску, пытит уют, в телевизоре — «Первый канал», горные лыжи.

— Э, если так криво будешь ехать, скоро в Абхазию приедешь! — гул одобрительного смеха двух посетителей сопровождается шуткой официантки.

Будут ли у них транслировать сегодня хоккей, официантка не знает.

— Какой хоккей? Не было таких анонсов!

«Первый канал» для нее и единственный. И если так в программе нет хоккея (или чего-то еще), то этого и нет.

— Я вообще за Норвегию болела! — с гордостью добавляет она. — Про-

играли — я недовольна! Вы мамалыга кушать будете или без дела телевизор посмотрите?

Я взял эту мамалыгу (200 руб.) и взял бы еще много блюд со странички меню «Абхазская кухня», но в итоге засомневался.

— Фасоль по-абхазски, 60 р. — это что?

— Ну, это лобио такое.

— А курица по-абхазски, 120 р.?

— Ну, это сацви типпа.

— А хачапури «Лодочка», 120 р. — это, видимо, хачапури по-аджарски?

— Вы еще про сулугуни спросите!

— с вызовом сказала официантка.

Торжественный просмотр хоккея зимним вечером в Гаграх находился под угрозой. Спасли «Сказки Востока», заведение на улице Абазгаа, и его хозяин Гурам, проявивший беспримерное радушие к единственному за весь день посетителю:

— Конечно, будет хоккей, дорогой! Такой хоккей будет! Экран во всю стену развернем, проектор включим, а там знаешь что? «НТВ плюс» у меня есть, вот что!

— А вы почему трансляцию не смотрите? — обращаюсь к женщине-повару. — Все равно ж работы нет.

— Нервов никаких уже нет! Всю ночь потом не спишь, воруешься.

— То есть болеете?

— Ой, болею! За всех наших болею!

— Это за кого?

— За СССР! — с достоинством произнесла она.

У нас с Гурамом было время обсудить олимпийские дела.

— Вообще у вас спорт, по крайней мере зимний, не очень уважают, да?

— Как не уважают? Ресторан пустой? Так все же там, в Сочи на хоккей! Кто билетов не достал, тот просто в Олимпийском парке смотрит, общается. Только у меня человек десять сегодня на игру поехали! Хотя домино у нас еще больше любят, конечно, — подмигивает Гурам. — Там и поджухать можно, да?

Домино для абхазов, действительно, спорт номер один. Именно Международная федерация домино разрешила в октябре 2011 года проведение своего чемпионата мира в Абхазии. Да, возможно, других претендентов и не было, мы толком не знаем. Но факт в том, что сюда приехали 300 человек из 25 стран. И вроде как получается, что для всех этих стран все-таки есть такое государство, как Абхазия. Иначе, где они коротали тогда вечера с 17 по 21 октября? Таким образом, именно в домино Абхазия пока одержала главную свою победу.

Поздним вечером я пересекал границу в обратном направлении. С охажкой мимозы и 20 кг мандаринов, чей аромат по силе ничем не уступал мимозе. Потому что разве может здравомыслящий россиянин пройти мимо мандаринов по 10 руб. за килограмм?

— По десять? — переспросил таможенник на российской стороне и участливо покачал головой. — Вас разве — вообще они пять всегда стоят.

А мне для страны победившего домино, знаете ли, не жалко.